М.В. РОМАНОВА

«КОЛДУХА»
(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Колдун и знахарь — непременные бытовые фигуры в старой русской деревне. Рассказы о них общеизвестны, но исследовать ведовство и колдовство непросто в силу профессионального (или полупрофессионального) характера этой деятельности, «закрытости» любой информации, связанной с сакральными знаниями. **Колдуна** аттестуют как человека, знающегося с нечистой силой и с ее помощью занимающегося «черной» магией. Он напускает порчу, превращает людей в животных, разлучает влюбленных, губит урожай и т.д. Колдуну сродни **ведьма,** которая тоже общается с «бесами» и вредит людям и скоту (обычно отбирает молоко у коров). В противоположность им **знахари** творят добро: исцеляют больных, снимают порчу, восстанавливают мир и согласие в семьях, ослабляя или полностью нейтрализуя колдовские чары. Информаторы подчеркивают, что действуют они «с Божьей помощью», используя христианские атрибуты и средства народной медицины. В их заговорах упоминаются Иисус Христос, Божья Матерь, святые, мученики и угодники Божьи, часто встречаются молитвенные формулы. Для магических действий используются святая вода, ладан, свечи, крест и иконы. Знахари тоже могли причинить вред, но тщательно это скрывали. Уличенные в контактах с нечистой силой, они теряли доверие окружающих, к ним переставали обращаться за помощью, так как колдовство, в отличие от знахарства — дело греховное, за которое придется отвечать на Страшном Суде и колдуну, и тем, кто пользовался его услугами. Сами знахари подчеркнуто дистанцировались от колдунов, утверждая, что их сила и знания — от Бога. Они помогали людям бесплатно или же брали за лечение символическую сумму, не настаивая на непременном вознаграждении. Колдун же за свои услуги обычно брал довольно дорого. Народ смотрел на знахарей с уважением и признательностью, на колдунов — со страхом и скрытой враждебностью.

«Профессии» знахаря и колдуна имеют разные корни и разную основу. Искусство первого основано на знании лечебных трав и приемов народной медицины, к которым прибавляются магические средства — заговоры, заклинания, амулеты, обереги и т.д. «Профессия» колдуна связана с древней верой во вредоносную магию, с которой соединяется вера во власть человека над природой. Правда, наши сведения о вредоносной магии и колдовстве очень скудны. Рассказов о колдунах и ведьмах — хоть отбавляй, но в подробности наши информаторы обычно не вдаются. В Литве было записано больше сотни заговоров, но только три из них — вредоносные. Очень мало рассказов о том, как стать колдуном, как навести порчу, отнять молоко у коровы или остановить свадьбу. Рассказывают только, что раньше такое бывало, что бабки «*отговаривали*»; в лучшем случае вспомнят, как именно отговаривали, но как портили — узнать уже невозможно. Причем о вредоносной магии обычно рассказывают не *шептухи* (знахарки), которые должны были бы в этом разбираться, а те, кто к магии не имеет прямого отношения. *Шептухи*, опасаясь быть заподозренными в колдовстве и связях с нечистой силой, открещиваются от всего, что связано с колдовством; да и обычный человек свой рассказ о колдовстве обязательно начнет словами «*слышал*» или «*рассказывали*», то есть подчеркнет, что сам он с этим не сталкивался.

Старообрядцы Литвы четко разделяют колдунов (в местной традиции — *волхвитов*, *ворожбитов*) и знахарей (*шептунов*, *заговорщиков*). Сознательно перепутать колдуна со знахарем — дело совершенно немыслимое. Тем не менее бывают случаи, когда жители окрестных селений называют знахарку колдуньей (*колдухой*). И не только называют, но и относятся к ней соответственно — уважительно и вместе с тем недоверчиво, с опаской. Чем же отличается *колдуха* от обычных знахарок, которых и сегодня можно встретить в деревнях? Этот вопрос мы и попытаемся выяснить, обратившись к судьбе Агриппины Гавриловны Суетене, 1922 г.р. (ее настоящая фамилия — Суета; литовское окончание добавили, когда меняли советские паспорта на литовские), с которой познакомились участники экспедиции в с. Ужусаляй Йонавского р-на.

Ужусаляй

Ужусаляй — бывшая слобода, превратившаяся позднее в большой поселок со школой, детсадом, магазинами, современ-

ным баром. В нем два конца — православный и старообрядческий. Исконно селение было православным, о чем свидетельствует каменная православная церковь Александра Невского. Центром старообрядческой общины была д. Паскутишкес, в двух километрах от Ужусаляй. Там была моленная и старообрядческое кладбище. Но в 1960-е годы началась мелиорация, почти всех жителей окрестных деревень и хуторов переселили в Ужусаляй.

Сейчас от Паскутишкес осталось несколько домов, затерянных среди пустынных полей, да расположенная неподалеку литовская усадьба, огороженная высоким забором. Ее охраняют три большие собаки, но хозяева всё равно не чувствуют себя защищенными. Усадьба стоит на отшибе, возле самого леса, вокруг — поля, людей почти нет, если не считать трех стариков, живущих в оставшихся домах. На них уже не раз нападали. Хозяин дома держит два ружья — на всякий случай. Одним словом, страшно там жить. Обо всем этом нам рассказала словоохотливая хозяйка усадьбы.

Затем мы вышли на дорогу — главную улицу старой деревни. Справа стоял большой, но очень запущенный дом. Как мы потом узнали, раньше в нем жил наставник, а рядом стояла моленная. Оставленная без присмотра, она через несколько лет сгорела. Землю под моленную и кладбище подарил отец нашей «колдухи». Старики до сих пор помнят гулянья в Паскутишкес, веселые *днёвки* и *вечеринки*. Лучшей *песнохоркой* и плясуньей была Агриппина. Когда ее выдавали замуж, «*со всей деревни ребята сбежались: "Лучшую нашу девку увозят!"*». До сих пор Агриппина Гавриловна с гордостью вспоминает о том, как ее любили в родной деревне. Но постепенно любовь односельчан сменилась внешним уважением и скрытым недружелюбием, на которое мы не раз наталкивались, беседуя с ее земляками.

Дар исцеления

А.Г. Суетене не считает себя колдуньей и горячо опровергает все домыслы односельчан, но уверена, что обладает особым даром — исцелять людей. Свой чудесный дар она получила от Бога. Вот что она сама об этом рассказала: «*А я была заболевши, <...> я не знаю, сколько я лежала. <...> Так ляжу, и Господь говорит: "Ангелы, ангелы! Несите скорей живой воды, ее надо оживить!". И вот, помню даже, какую воду пила... Два раза ангелы приносили воду, а Господь сам мне давал воды. Ну, вода не такая, как наша, <...> а такая — вроде кисловатая. И вот видите, я два раза парализованная; вот, и работаю, и хожу, и живу. Вот Господняя вода какая крепкая! Теперь я так верю Богу, что я вже была на тым свете. И только спросили в мине <...>: "Мати, мати, чего тебе дати? <...> Что тебе дать — злата, серебра?". А я говорю: "Не злата, не серебра; мне дайте дар церьковный. <...> Если можно — то мои песни..."*».

Но кому много дано, с того много и спросится. Дар исцеления требует строгой внутренней дисциплины. «*Я никогда ни с кого деньги не брала. Ой, мне давали — я не беру, не, не, не... Это Исус Христос без денег лечил. <...> Деньги человека портят. <...> Я прожила жизнь — никому, и воды не замутила, <...> иголки чужой не взяла*». Человек, обладающий таким даром, не должен никому завидовать, желать зла, а тем более сознательно вредить людям, иначе дар исцеления исчезнет или обернется болезнями, несчастьями и ранней смертью. В качестве примера Агриппина Гавриловна приводит свою мать, которая тоже знала заговоры и «*даже рака лечила*», но «*видно, приняла на себя болесть*». «*Значит, бабушка где-то оступилась*», — пояснила дочь Суетене, Елизавета Венедиктовна Боровик. И тут же выдвинула другую версию: «*Просто не успела очистить себя. Слишком большую дозу приняла*».

Народная медицина и бытовая магия

Агриппина Гавриловна хорошо разбирается в народной медицине, знает лекарственные травы и домашние методы лечения. Владеет она и традиционной бытовой магией, призванной уберечь семью и хозяйство от вредных воздействий или нейтрализовать их. К бытовой магии относятся также приметы, гадания, вещие сны, вера в возможность общения с умершими и их воздействие на мир живых.

Использование бытовой магии не считалось грехом и не осуждалось обществом. Эти знания (в отличие от колдовских) не были тайными; их применяли в повседневной жизни, передавали детям и внукам вместе с хозяйственным опытом как часть традиционного уклада жизни. С его разрушением возникла опасность выветривания и даже полного отмирания некогда цельного комплекса народных воззрений. Знания,

накапливавшиеся веками и передававшиеся из поколения в поколение, оказались незаслуженно забытыми, отброшенными за ненадобностью. Но осознание того, как много было потеряно, пришло значительно позже, когда уже не осталось в живых стариков, бережно хранивших память традиции...

К счастью, Агриппина Гавриловна с молодости отличалась любознательностью и хорошей памятью. Она стремилась узнать и запомнить всё, от чего отмахивались ее сверстники, что считали предрассудками и пережитком прошлого. Почти все поверья и запреты, обряды и обычаи Агриппина Гавриловна усваивала творчески, всегда докапываясь до смысла магических действий, ничего не принимая на веру.

Агриппина Гавриловна помнит множество религиозных и бытовых запретов, магических действий. Для удобства разделим их на несколько групп.

Первую группу можно условно назвать ***магия вечера и ночи***. «*Вечером мы не начинали булку* <хлеба>, *только утром*». «*На ночь вообще нельзя хлеб резать — это, говорят, свое здоровье режешь. Начинать ничего вечером, только утром! До обеда всё начинать надо новое...*». «*Кружка чтобы была обёрнута* <на ночь>, <...> *а то нечистик попадё в воду, если не будет накрыто*». «*Чтобы стол всегда чистый был бы — это Исуса Христа лицо*».

Вторую группу можно назвать ***магия воскресного дня***. Свекор наставлял молодую мать: «*"Сынова,* <...> *чтоб пеленки не стирала; чтобы были выстираны к воскресенью". Это уже на утопленника...* ». Дочь Суетене привела свои аргументы, обосновывающие традиционный запрет: «*Если вы начнёте в воскресенье работать — в понедельник вы пролежите; всю неделю будете лежать. А если* <...> *в воскресенье будете тратиться — тоже деньги как между пальцами пройдут*».

Третья группа — ***предохранительная магия***. «А что делать, чтобы в лесу змеи не трогали?» — «*Я всегда, бывало, три раза "Богородицу" проговорю и вспомню только, в который день* <недели> *Кутейник*[1] *был — никогда змея не увидишь; и хотел бы — не увидишь*». — «А чтобы покойников не бояться, что надо делать?» — «*Вот как вынесут, ты сядь на это место, где покойник* <был>. *И не будешь бояться*». — «А если покупают скот, что надо делать, чтобы он на старое место не уходил?» — «*Если хозяин тебе дает с верёвкой, то эту верёвку ты сьми и положь в сарай* <...> *и* <там> *держи яну. Где бы она ни ходила, но к тебе придёт*».

Отдельную группу образует ***магия беременности и родов***. От того, как они пройдут, зависит будущая жизнь ребенка, поэтому с беременностью связывали целый ряд запретов и примет, а роды сопровождались заговорами и магическими действиями. «*Надо воспитывать ребенка в животе, но не когда он родится*», — говорит Агриппина Гавриловна. Будущая мать «*должна ходить — нигде ничего не вкрасть, не взять, не бить; даже в ту сторону, где такие люди плохие, не поглядеть*». Нельзя ничего одалживать, а то «*ребенок всю жизнь буде в долгу*». — «А что делать, когда ребенок родился?» — «*Пупок* <...>, *который в ребенка отпадёт,* <...> *прибрать надо. И дай ребенку развязать, чтоб ён развязал — ён свою память развяже*». Делать это надо перед поступлением в школу. И крестик, «*которым крестишь ребёнка*», надо сберечь. «*Вот тогда очень ему счастливо*», — убеждает нас Агриппина Гавриловна.

Бытовую магию можно условно разделить на магические действия и заговоры. Они могут существовать в комплексе или использоваться по отдельности.

Магические действия

В старину на праздник Егория (св. Георгия Победоносца) выгоняли в поле скот; при этом животных обычно подхлестывали освященной в церкви вербой. В этот день выполнялись различные магические действия, которые должны были обеспечить здоровье, плодовитость и безопасность скота. Агриппина Гавриловна вспоминает охранительный обряд, который практиковался в их семье: «*Наша бабушка, бывало, ложит три косы хрест-нахрест, ставит такую миску, и в миске, значит, аржаная мука, и купарис, потом ладан... И она, значит, разжигает; ну, чтоб только дымило, делаем — зато* <потому> *аржаную муку сыпят.* <...> *И вот через этот дым проводим скот*».

Исполнительница не только вспоминает, как было раньше, что рассказывали старшие, но и приводит примеры из собственной жизни. Кто-то из зависти год за годом портил урожай — у нее никак не росла картошка. Когда Агриппина Гавриловна попросила мужа понаблюдать, не соседи ли

[1] Сочельник перед Рождеством.

напускают порчу, тот заметил, что как только хозяйка пошла сажать картошку, прибежала соседка, «*лопату захватила и, говорит, три раза копанула, <...> земли взяла и обратно в ямку всыпала. <...> Ну, она знала заговор*». И картошка опять не выросла. Пришлось Суетене сажать ее по ночам, но потом она нашла выход: «*Первую картошину разрежь на три части, выкопай ямку и, значит, клади этых три кусочка картошины, всыпь маку туда. <...> Колдуны никак не можут тогда сделать, что оны не знают, сколько там мачин и сколько <...> картошин положено*».

Агриппина Гавриловна рассказывала, что семья у нее хорошая, дружная, но иногда находились злые люди, пытавшиеся навредить: «*Когда муж умер, на похоронах нам сделали. Дети стали как кот с собакой жить. Пока в Чистый Четверьг, значит, не подмели дом; <...> и в сарае, и везде подмели, этот сор собрали в мешок; в двенадцать часов надо вынести на кружавую дорогу. <...> На покойнику что хошь можно сделать. Что-нибудь от тебя возьмут и кинут в гроб*». Суетене использовала все свои знания, чтобы исправить ситуацию, оберегала семью и хозяйство, осуждала таких людей, но никогда не стремилась отомстить и зла на них не держала. Но, может, именно ее собственные рассказы, приукрашенные односельчанами, и создали ей репутацию «колдухи»?

Заговоры

А.Г. Суетене рассказывает, что заговорам ее научили мать и бабушка, свекровь и бабушка мужа. Бабушка мужа тоже обладала «*даром*»: когда соседи ехали на базар, обязательно заезжали в их двор. Если она обойдет вокруг воза, хозяин быстро и выгодно продаст свой товар. Если лошадь или корова объется и ее «*раздует*», сразу ведут к бабушке. Она обойдет вокруг, погладит — «*ниже, ниже боки станут, и всё — здоровая!*». Но... бабушка «*крота была замучивши. Руки в крови...*» (видимо, имеется в виду какой-то магический ритуал, о котором мы пока ничего не знаем).

Мать Агриппины Гавриловны лечила людей заговорами. «*А моя мама даже рака лечила. <...> Вот, как хлеб, бывало, в печку садит — эта чтоб самая вода была. И потом <...> берет эту вот воду и льёт, где жар; рукой — хлоп! — и по этой раны. <...> Вот, только три раза заговорит — и всё. Но вот мне не передала...*».

По всеобщему убеждению, заговор будет действенным только в том случае, если его правильно передали и получили. Суетене разделяет традиционные для старообрядцев Литвы представления: заклинаниям лучше всего обучать в семье, старшего или младшего ребенка. А если обучаешь заговорному искусству постороннего, он обязательно должен быть моложе «учителя». «*Могу* <вам> *сказать — всё равно мне скоро умирать, вы младше меня*». «*Старше себя нельзя; тогда уже если ты передашь, от тебя никакой пользы не будет*». Но даже если заговор передали подходящему человеку, это еще не значит, что он сможет им пользоваться. «*Я скоро принимала* <заговоры>, — рассказывает Агриппина Гавриловна. — *Раз мне, бывало, скажут, и я всё... А ежели ты говоришь, говоришь яму, и ён не помне — уже етому не передавай, от его пользы никакой не буде*».

В рассказах наших информаторов часто упоминается **сглаз**, самый распространенный вид порчи. Сглазить можно нечаянно или специально — из зависти или со злости. Также можно сглазить, если слишком обрадуешься. «*Радостный хуже, чем завистный. Если порадоваешься так очень...*», — убеждена Агриппина Гавриловна. «А отчего у человека бывает плохой глаз?» — «*Когда мать отсаживает ребенка и, значит: "Не дам сиськи!" <...> Пожалела и обратно ему дала. Вот этот человек будет всегда сглаживать*». Она полагает, что «*глаз*» по-разному действует на людей. У кого «*душа чистая*», «*он не возьмет много*», а если «*у него столько греха, и он принимает*».

Если человеку ни с того ни с сего становится плохо, он чувствует слабость, начинается тошнота и озноб — значит, его сглазили. Сглазить можно и домашних животных — корову, лошадь, поросенка. Животное, если его сглазили, неожиданно заболеет или может взбеситься. Люди «с плохим глазом» часто знают о своем недостатке и не ходят смотреть на детей или скотину. Чтобы вылечить от сглаза, надо умыть и напоить человека или животное святой или наговоренной водой. Если в доме нет такой воды, можно обычной водой обмыть икону, распятие или крест-накрест обмыть стол, а потом этой водой умыть и напоить боль-

ного. Кроме того, существует много заговоров от сглаза. Один из них мы записали от Агриппины Гавриловны:

Белый глаз, серый глаз, рудый глаз, черный глаз! Радостные урёки, завистные урёки, идите в чистые поля, в зеленые луга. В чистых полях, в зеленых лугах стоит дуб колоколист; на том дубу сидят птицы ярские, поют песни Господние. Не пойдете песни Господние слухать, придёт сам Сус Христос, Пресвятая Госпожа Богородица. Возьмет от Агриппины врёки, понесё в мхи, в болота, в гнилые колоды. И ныне, и присно, и во веки веком.

«*"Аминь" никогда не надо говорить, <...> могет перевернуть человека глаз,* — добавляет Агриппина Гавриловна. — *Перед образам<и> стать; и надо эту воду ложечкой чистенькой мешать и вот этот стишок заговаривать; и три раза. И всё надо — "фу-у!"— пофукать в воду, три раза. Потом на воду эту подуть три раза. <...> Попить, помыться, если на пользу — уснё, и всё. <...> И корову, да, это самое*». — «А воду любую можно брать?», — спрашиваю я. — «*Лучше всего с речки. И надо черпать яну, <...> как вода идёт. <...> И сколько взял в кружку — столько и неси. Полную взял — полную неси, и наговаривай полную. Взял половина — половина наговаривай. Чтоб не прибавлять и не отбавлять*».

В старообрядческой среде бытуют заговоры чуть ли не на все случаи жизни. Ими лечат и реальные болезни, и любые болезненные состояния, вызванные ирреальными воздействиями (порча, сглаз и т.д.); с их помощью воздействуют на душевное состояние человека (заговоры на любовь, от тоски и т.д.). А еще есть хозяйственные, промысловые заклинания и т.д. Но Суетене, хоть и слывет «колдухой», знает всего пять заговоров, причем один из них — рукописный «*Судебный стих*», а второй — начало «эпического» заговорного текста. Агриппина Гавриловна говорит: «*Тепери-ка еще один стишок скажу...*». Голос ее неожиданно меняется, и в тишине напевно звучит:

Вечерешняя зарица, красная девица, вечерешняя зарица, красная девица, вечерешняя зарица, красная девица! Возьми от Агриппины ночницы — ночные и полуночные, денные и полудённые, часовые и получасовые, минутные и полуминутные. Паче час, паче день. И ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

И обычным голосом продолжает: «*Надо на зарю выносить* <ребенка>, *или самому, если не можешь спать*». — «Просто говорить — не на воду?» — «*Не-не-не! Это просто на зарю...*».

Лечение травами

Разговор о магии незаметно перешел на народную медицину. По всеобщему убеждению, травы надо собирать до Ивана Купалы. «*Всё собирать надо тогда, когда ещё дни на прибыль идут*, — подключается к беседе дочь Суетене. — *Когда на убыль — уже такой силы не имеет целебной*». Агриппина Гавриловна утверждает, что за лекарственные травы нельзя благодарить, и «*если берёшь себе на завод* <рассаду и т.п.>, *никогда не говори "спасибо"*».

Но не только травы обладают целительной силой. Вот, например, обычная береза. Что можно сказать о ней, кроме того, что березовый сок полезен для человека? Оказывается, отвар из березовых листьев помогает от высокого давления. «*Надо "справедливую" только берёзу*», — уточняет Суетене. — «А это какая?» — удивляемся мы. — «*А их три сорта. Есть* <береза> *капрызы выгонять, а есть "глушина" — она никуда не идёт. <...> "Глушина" — она пушистая такая*». А «справедливая» — «*сорвите, <...> потрите такой листик — и она так, вроде беленькое буде. Вот это будет справедливая. А капрызы выгонять — так эта, которые висючие ветки, висят. <...> Эты веточки принесёшь, меж дверей вторнешь. Вторни и держи. И когда он* <ребенок> *будет "брык-брык!", а ты — только не жалей — так стебани, чтобы он соскочил. И всё, больше не будет делать*».

А вот народное средство от облысения. «*Репейник знаете? Ну вот. Корешок выкопайте, сотрите, сок сделайте и соком так натрите. Ну, и плат... И на ночь можно. <...> Потом в байню мыться*». С той же целью используется натертый на терке лук; волосы «*вымоешь, когда уже обсохнут*».

В народной медицине широко используются различные настойки. Обычно это травы, которые настаивают на водке или на спирте. Но есть и другие, необычные рецепты. «*Рапугу* <жабу> *поймай, залей водкой и пей. Моя мама так от рака лечила*». А если болят уши, надо поймать ужа и настаивать его на водке. «*Уж — от вушей* <ушей>. *Настойку закладать в уши, и можешь полить.*

Только не змей, уж. Ён зато <потому> *и названный — "уж"* <уш>».

А.Г. Суетене рассказывает и о людях, которым она помогала. Среди них была женщина-экстрасенс. Видимо, у нее была плохая энергетика, потому что после заговаривания она почувствовала себя лучше, а Агриппине Гавриловне стало плохо. Сама «*колдуха*» объяснила это проще и понятнее: «*Она мне что-то передала*». Больше Агриппина Гавриловна ее не заговаривала, а давала пить наговоренную воду. Видимо, такой способ исключает прямой контакт между заговаривающим и заговариваемым и не позволяет «*передать*» плохую энергию. О том, что эта женщина все-таки выздоровела, Суетене рассказывала с особой гордостью.

Знахарка или колдунья?

Но все-таки почему вся деревня считает Агриппину Гавриловну «*колдухой*»? Не только потому, что она знает заговоры и разбирается в народной медицине. Такие знания не являются тайными; почти в каждой семье кто-нибудь умел заговаривать, лечил людей и скот, и это не считалось грехом или чем-то из ряда вон выходящим. Дети этих людей часто жалеют, что не прислушивались, не интересовались, «*а теперь, может, и пригодилось бы, да не знаем заговоров*».

Агриппина Гавриловна примечала и запоминала всё, что делают старшие. Но сама она убеждена, что обладает особым даром целителя. Проверенные веками знания, сочетаясь с природным даром и ограниченные строгой внутренней дисциплиной, позволяют ей помогать людям. Отсюда и внутренняя сила, и уверенность в своей правоте и ценности своих знаний, и чувство собственного достоинства. Вот потому-то она и «*колдуха*», что не похожа на других, что может помочь, когда обычные, рациональные методы лечения оказываются бессильными. Она «*колдуха*» не по роду своей деятельности, а потому, что сильнее духом, что больше знает и тем самым резко отличается от своих односельчан, а такие люди редко вызывают искреннюю симпатию общества. За этим прозвищем стоит и опасение, и уважение, и признание исключительности этого человека. Можно даже сказать, что «*колдуха*» — это не профессия, а призвание.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ ЛИТВЫ

(МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ)

Изучение старообрядчества Литвы и Прибалтики в целом началось во второй половине XIX в. В 1863 г. была опубликована первая работа по истории русских старообрядческих поселений в Ковенской губ. [Корецкий 1863]. Отдельные этнографические зарисовки и статистические данные ежегодно публиковались в «Памятных книжках» Ковенской, Витебской, Виленской губ. Сведения о старообрядцах Литвы приводили К. Гуковский, А.К. Киркор, П.В. Шейн и др. [см., напр.: Гуковский 1894; Деделев, Гуковский 1893; Киркор 1882, 14; Шейн 1893[1]].

В конце XIX — начале XX в. актуальным было изучение и обобщение результатов русификаторской политики царского правительства в так называемом Северо-Западном крае. До сих пор не утратила своей актуальности обширная работа А. Станкевича «Русские поселения Ковенской губернии» (Вильно, 1909), изданная с приложением подробной карты.

В межвоенный период в связи с конфессиональным и культурным возрождением старообрядчества Прибалтики появилось значительное количество учебной и богослужебной литературы, издаваемой местными старообрядцами, начала выходить старообрядческая периодика — «Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше» в Вильнюсе и журнал «Китеж-град» в Каунасе. В 1933 г. в Каунасе увидела свет книга И. Прозорова «История старообрядчества».

После Второй мировой войны исследования старообрядчества Литвы стали целенаправленными и систематическими. В первое послевоенное десятилетие практически одновременно начались археографические поездки в Прибалтику сотрудников Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР и Библиотеки АН СССР, экспедиции этнографов, языковедов и несколько позже — фольклористов. Исследователи как бы поделили сферы деятельности: литовские ученые занимались изучением говоров и фольклора старообрядцев, а московские и ленинградские — археографией, этнографией, церковной музыкальной культурой. Наиболее результативными оказались археографические, диалектологические и фольклористические иссле-

[1] Как оказалось, не В.И. Мансикка, а именно П.В. Шейн еще в конце XIX в. в местечке Дукштас от местных русских (видимо, старообрядцев. — *Н.М.*) записал и опубликовал текст тарабарского заговора.